

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

28 ОКТЯБРЯ.

№ 44

1912 ГОДА.

С Л О В О

на 21 октября 1912 г. — 23 недѣлю по Пятидесятницѣ и день восшествія на престоль Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича ¹⁾.

*«Приидоша ко Иисусови, и обрѣтоша челоуѣка съдяща, изъ него же бѣси изыдоша, оболчена и смысляща, при ноу Иисусову» .
(Евнг. Лук. VIII, 35).*

Вотъ гдѣ „спасесе бѣсновавый“ (36)!...

У Иисуса „обрѣтоша челоуѣка“...

У ногъ Иисусовыхъ увидѣли „оболчена“ и „смысляща“ того, кто въ теченіи „лѣтъ многихъ“ въ одеждѣ не одѣвался, жилъ не въ домѣ, а во гробахъ (27), кого связыва-

¹⁾ Пронесено въ Благовѣщенскомъ Соборѣ Митрофанова монастыря, при Архіерейскомъ служеніи.

ли цѣпями и узами и кто, разрывая узы, гонимъ былъ бѣсомъ въ пустыни (29).

Братіе-христіане! что совершилось въ странѣ гадаринской, то не то же ли самое совершилось и совершается во всемірной исторіи лѣтописи жизни человѣческой?! Святой Іоаннъ Златоустъ въ своемъ толкованіи евангельскаго событія въ странѣ гадаринской говоритъ: „никому нимало не возбраняется разумѣть эту исторію въ таинственномъ смыслѣ“ (Злт. VII, 319 ст.). Господь—свѣтъ во откровеніе языкомъ, т. е. свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ (Лук. II, 32). Если облако Виноаніи и сокрыло Пречистый Ликъ Господа отъ взоровъ человѣческихъ, то близость Господа человѣчеству и Его постоянное присутствіе въ исторіи жизни людей подтверждается и Откровеніемъ (Мѣ. XXVIII, 20) и опытомъ каждой страницы всемірной исторіи царствъ и народовъ.

„Обрѣтоша человѣка“... Гдѣ, какъ не въ христіанствѣ, засіялъ образъ человѣческой въ его величіи и славѣ образа и подобія Божія? „Человѣкъ человѣку волкъ“ (Плавтъ). Женщина—не человѣкъ, она, и живая, можетъ быть погребается съ мужемъ (Славяне). Рабъ—вещь. Нищіе должны быть изгнаны изъ государства (Платонъ). Слаборожденные и болѣзненные стоятъ внѣ опеки общества и государства. Отцы могутъ умерщвлять своихъ дѣтей, бесполезныхъ государству. (Законъ двѣнадцати таблицъ). Вотъ все, что знаетъ исторія изъ трактата о достоинствѣ человѣка до пришествія въ міръ Христа Спасителя. Есть общество, но нѣтъ того, что мы соединяемъ въ своихъ понятіяхъ съ хорошо знакомымъ намъ словомъ „личность“. Есть государство, но нѣтъ человѣка. Не дальше сказаннаго въ трактатѣ о достоинствѣ человѣка ушла мудрость человѣческая, стоящая внѣ христіанства и внѣ ученія Христова, и послѣ пришествія Спасителя въ міръ,—кончая послѣдними утопіями и бреднями современныхъ революціонеровъ и такъ называемыхъ социаль-де-

мократовъ. Въ катихизисѣ этого ученія о человѣкѣ есть „партія“, но нѣтъ „личности“, есть „произволь“ и „дисциплина“, но нѣтъ „свободы“ и „нравственнаго сознанія“, есть сила бомбы и расправы, но нѣтъ „свѣта разума“ и нравственнаго воздѣйствія. Борьба за существованіе здѣсь основной законъ жизни и естественный подборъ подобныхъ себѣ съ цѣлью умерщвленія слабыхъ и неподобныхъ—главный рычагъ движенія этого закона. „Мы имама Законъ“— и только! А человѣкъ? „Человѣкъ долженъ умереть“!... Не то мы видимъ у Господа Іисуса. Зажегши новый Свой свѣтъ евангельскаго ученія для человѣчества, Господь отыскалъ потерянную міромъ драхту — „человѣка“, и, проливъ на крестѣ Свою Божественную Кровь для людей, Онъ отмылъ на этой драхмѣ царственный образъ человѣка—образа и подобія Божія. У ногъ Іисуса спасаются мытари и грѣшники. Господь входитъ подъ сѣнь Закхея. Къ Господу несутъ дѣтей и Онъ ихъ обнимаетъ и благословляетъ. Въ Евангеліи христіанскомъ безсмертный памятникъ водруженъ и слезамъ блудницы и покаянію грѣшницы и дептѣ вдовицы и воплю хананеянки. Въ Евангеліи блаженъ нищій духомъ, утѣшенъ плачущій, наслѣдуетъ землю кроткій, радуется и веселится гонимый и преслѣдуемый правды ради. Питающій алчущаго, напоющій жаждущаго, посѣщающій заключеннаго въ темницѣ, служащій больному—въ христіанствѣ приносятъ жертву Самому Богу. Искомый исторіей, въ лицѣ мудреца языческаго Діогена, „человѣкъ“ обрѣлся только лишь въ христіанствѣ.

„Оболченна“ и „смысляца“. Гдѣ, какъ не въ христіанствѣ, найдена человѣкомъ его первая Боготканная одежда, соответствующая его царскому назначенію на землѣ и достоинству умаленнаго малымъ чимъ отъ ангель?! Господь Іисусъ Христосъ есть свѣтъ человѣчеству (Іоан. XII, 35, 36). Христіанство—это путь, это истина, это—жизнь для человѣчества. Евангеліе Спасителя—краеугольный камень исто-

ріи. Внѣ христіанства люди блуждають, перебувають во лжи и заблужденіи и умирають. Вотъ какими словами Св. Апостоль Павелъ описываетъ жизнь язычниковъ до Христа Спасителя. Люди „осутились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце; называя себя мудрыми, обезумѣли... сквернили сами свои тѣла... замѣнили истину Божью ложью... поклонялись и служили твари вмѣсто Творца... исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы, исполнены зависти, убійства, распрей, обмана, злонравія, безразсудны, вѣроломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы“.. (Рим. I. 21 — 32). Что св. Апостоль говоритъ о язычникахъ до пришествія въ міръ Христа Спасителя, то тоже самое остается во всей силѣ и въ примѣненіи къ жизни современнаго намъ человѣка, не знающаго Христа Спасителя и живущаго внѣ христіанства. Безъ Христа Спасителя люди, по Златоусту, легко уловляются дѣйствіемъ бѣсовъ, уподобляются свиньямъ и низвергаются въ бездну. (Злт. VII, 319). „И нынѣ, говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ, можно видѣть множество бѣсноватыхъ, которыхъ ничто не удерживаетъ отъ неистовства: ни желѣзо, ни оковы, ни множество народа, ни увѣщаніе, ни убѣжденіе, ни страхъ, ни угрозы и ничто другое подобное... Таковъ сладастрастный человѣкъ, плѣняющійся всякою красотою тѣлесною... онъ ничѣмъ не различается отъ бѣснующагося... облеченный одеждою, но, не имѣя истиннаго одѣнія и лишенный приличной ему славы, онъ всюду бѣгаетъ обнаженнымъ, подобно бѣсноватому, поражая себя не камнями, но беззаконіями... Таковъ сребролюбецъ. Кто можетъ когда либо связать его? Каждодневные страхи, угрозы, увѣщанія и совѣты? Но онъ всѣ эти узы расторгаетъ. Такіе люди, живя въ городахъ, живутъ какъ бы въ пустыняхъ... Таковъ Іуда... Хотя всѣ эти отовсюду обложены узами: страхомъ судей, угрозою законовъ, презрѣніемъ отъ людей и многимъ еще другимъ, —

но они, разрывая ихъ, все низвращаютъ“ (Злт. VЦ, 320)...
Господь Своимъ Словомъ просвѣщаетъ нашъ разумъ и предохраняетъ его отъ лжи и заблужденія. Господь Своею благодатью врачуетъ наши раны душевныя отъ грѣховъ, страстей и пороковъ. Господь Своимъ закономъ раскрѣпоцаетъ нашу волю въ свободу славы чадъ Божіихъ. Господь очищаетъ нашу совѣтъ до способности зрѣть Бога и слышать Его заповѣди и на землѣ. Только христіанство избавило человечество „отъ работы вражія“ и только оно одно избавляетъ людей отъ власти легіона бѣсовъ. До Христа и внѣ христіанства для человечества и человѣка — тьма и сѣнь смертная. „Оболченнымъ“ и „смыслящимъ“ исторія увидѣла человѣка лишь „у ногу Іисусову“. Не даромъ современное счисленіе времени у всѣхъ культурныхъ народовъ ведется отъ дня пришествія Христа Спасителя въ міръ. И мнимые противники и враги христіанства конечными выводами своихъ идеаловъ обязаны всетаки свѣту евангельскаго ученія.

Сказанное изъ всемірной исторіи примѣнимо и къ нашей очественной исторіи.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ срѣтаетъ насъ, братіе-соотечественники, на зарѣ нашей исторической жизни. Лучи свѣта Евангелія христіанскаго просвѣщаютъ перваго нашего князя—Равноапостольнаго Владиміра. Раздробленные народы: древяне, поляне, сѣверяне, вятичи, кривичи, радимичи и различныя племена: славянскія, финскія, литовскія, монгольскія—сливаются и объединяются въ одинъ великій народъ русскій подъ живительными лучами только свѣта ученія евангельскаго. Господь—намъ прибѣжище и сила въ дни испытаній и скорби. Усобицы великихъ князей, татарское иго, надвигавшійся польскій плѣнъ, кровавыя распри между царствія, нашествія двадцати языкъ—все это разсѣяно и разрушено не только крилами двухглаваго орла, но и благодатною сѣнью животворящаго Креста Господня. Всемило-

стивому Спасу (1 августа) Благовѣрный князь Андрей Боголюбскій приписываетъ свою побѣду надъ начальными нашими врагами—камскими болгарами (1164 г.). „Не убойтесь, Руссы! Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ.. прими, Боже, оружіе и щитъ, возстани въ помощь мою“, восклицаетъ другой русскій князь, Благовѣрный Александръ Невскій предъ своею побѣдою надъ шведами (1240 г.). „Вотъ оружіе нетлѣнное—святой крестъ, да служитъ онъ вамъ вмѣсто шлемовъ“, говоритъ Преподобный Сергій Дмитрію Донскому, напутствуя ратниковъ ополченія на борьбу съ татарами. „Съ нами Богъ... Содоуянное храбрымъ воинствомъ нашимъ превыше челоуѣческихъ силъ. Спасеніе Россіи отъ враговъ есть явно изліянная на насъ благодать Божія“, — торжественно исповѣдуетъ предъ лицомъ народовъ Императоръ Русскій—Благословенный побѣдитель европейскаго генія-полководца Наполеона въ 1812 г. Господь спасалъ люди Своя. Господь благословлялъ достояніе Свое, Господь даровалъ царямъ нашимъ побѣды на сопротивныхъ!... Современники видѣли это воочию, а потомки знаютъ это по сохранившимся священнымъ памятникамъ старины.

Господь же есть и „одоуянніе души“ русскаго челоуѣка. Въ глубинныхъ началахъ христіанства Русская исторія почерпаетъ весь „смыслъ“ своего существованія. „Руссы живяху, яко же всякій звѣрь“—слова перваго лѣтописца Русскаго Преподобнаго Нестора. Князь русскій (Всеславъ), говорится въ историческомъ документѣ („Слово о полку Игоревѣ“) „кидался звѣремъ, бросался волкомъ, головы стлалъ снопами, стальными цѣпами вымолачивалъ души изъ тѣлъ, рѣки кровью затоплялъ, берега костями засѣвалъ“ и т. д.... Вотъ страничка изъ психологіи и жизни русскаго челоуѣка до—христіанскаго періода. Чѣмъ отличается отъ бѣсноватаго въ этотъ періодъ своей жизни русскій чело-

вѣкъ?! И что же дѣлаетъ христіанство съ душою и жизнью русскаго человѣка?

Еще былевой эпосъ знаетъ уже Владиміра „красное солнышко“, „князя“ „гостепріимнаго“ „боящагося гнѣва небеснаго“. Буй—туры, князи—богатыри, князи—леопарды, князи—волки—уступили мѣсто богатырямъ духа, — ангеламъ земнымъ и человѣкамъ небеснымъ, — заступникамъ слабымъ, защитникамъ угнетенныхъ, миротворцамъ, освободителямъ. Въ семьѣ державъ европейскихъ нѣтъ ни одной, которая бы въ общую сумму добрыхъ дѣяній принесла столько безкорыстныхъ и самоотверженныхъ жертвъ, какъ православная Россія.

Россія освобождаетъ Бѣлоруссію отъ польско-литонскаго гнета. Россія освобождаетъ Молдавію, Валахію, Сербію, Грецію, Болгарію отъ турецкаго ига. Россія освобождаетъ тридцать милліоновъ своихъ собственныхъ рабовъ. „Россія ополчается не за мірскія выгоды, а за вѣру христіанскую“, говорится въ одномъ изъ манифестовъ Русскаго Монарха (11 апр. 1854 г.). Россія собственными подвигами и большими жертвами драгоцѣнныхъ жизней своихъ сыновъ прокладываетъ путь Евангелію христіанскому въ страну язычниковъ изъ Европы въ Азію—Китай и Японію. Россія съ замираніемъ сердца слѣдитъ за современными событіями борьбы креста съ полумѣсяцемъ. У ногу Іисусову слагались и сложились общеизвѣстныя всему міру національныя черты характера русскаго народа, какъ народа Богоносца. Мы не погрѣшимъ, если, съ нашими славянофилами, уподобимъ Россію въ ея историческомъ прошломъ евангельской Маріи, сѣдшей у ногъ Спасителя и слушающей Слово Его. Псалтирь—первая азбука русскаго человѣка, а Святое Евангеліе—всегдашнее зеркало его Суда и Законодательства.

У Іисуса обрѣли „человѣка“ и у ногу Іисусову увидѣли человѣка „оболченна“ и „смысляща“!...

Что же человечество?

„И моли Его весь народъ страны гадаринскія отъйти отъ нихъ“ (Лук. VIII, 37. См. Мѳ. VIII, 34). Таковъ конецъ евангельской исторіи о пребываніи Спасителя въ странѣ гадаринской. Интересы, связанные съ вопросомъ земнаго благополучія, оказались выше интересовъ спасенія души. Стадо свиней заслонило собою и пречистый ликъ Спасителя и обликъ спасеннаго (35 с.). Вотъ первая оцѣнка!... „Пришелъ ко Своимъ и Свои Его не приняли. Былъ свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, входящаго въ міръ. Въ міръ былъ... и міръ Его не позналъ“ (Іоан. I, 9, 10, 11).

Это было „во дни оны“, — дни, когда брэнною рукою человѣка заушили и распяли на крестѣ Создателя человѣка. Но что же современное человечество?

Увы и ахъ! Въ бурномъ житейскомъ морѣ человеческихъ плаваній годъ отъ году все выше и сильнѣе поднимаются волны антихристіанскихъ теченій. Волны эти на западѣ начинаются и тамъ бурлятъ; но шумъ ихъ длетаетъ и до насъ, брызги плеска ихъ попадаютъ и въ Россію. Это замѣтно въ направленіяхъ науки, беллетристики, литературы, искусства, политики, въ началахъ устройства семейной жизни, въ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ въ отношеніяхъ другъ къ другу, союзахъ и договорахъ и т. п. „Устраните отъ глазъ нашихъ Святаго Израилева, т. е. Господа Иисуса Христа, Его ученіе, Его Церковь“ (Ис. 30, 10, 11)... начинаютъ раздаваться голоса въ современномъ обществѣ. „Сойдите съ дороги, уклонитесь отъ пути“ (Ис. 30, 10)—просьба и нерѣдко приказъ по адресу проповѣдниковъ христіанства и служителей Церкви Божіей.

Что же мы? Мы не такъ давно были свидѣтелями существованія на Святой Руси „свободы“ безъ Христа и безъ Евангелія христіанскаго. Проповѣдники христіанства и слу-

жители Церкви Православной сознательно были устранены обществом съ той дороги, по которой прошла къ намъ эта небесная гостья, евангельская дщерь и даръ довѣрія и любви къ намъ нашего Вѣнценоснаго Кормчаго корабля Россіи. Мы видѣли людей безъ головъ, мы познакомились съ экспроприаторами, у насъ оказались лошади безъ языковъ, развалины и пепелище отъ родовыхъ имѣній и культурныхъ уголковъ. Вотъ что намъ дала свобода, сошедшая съ историческаго для насъ христіанскаго пути!.. Заслонили новыми западными вѣяніями пречистый Ликъ Спасителя—и снова появился у насъ бѣсноватый... размуздали на Руси доисторическаго звѣря-человѣка и чевѣчество вверглось въ бездну зла и въ адъ беззаконій...

Господи, какъ и исцѣленный тобою, молимъ Тя: „будь съ нами“! (38 с.). Не отойдемъ отъ ногъ Твоихъ... Господи! силою Твоею возвеселится нашъ Царь!... Аминь.

Спасской церкви г. Воронежа священникъ *Тихонъ Поповъ*.

1812 годъ ¹⁾.

Сто лѣтъ тому назадъ
Наполеонъ грозилъ Россіи,
Свой многочисленный отрядъ
Онъ двинулъ въ русскія долины.
Какъ ураганы, грозной силой
Промчались страшныя войска,
И предъ минутой роковою
Дрогнули многія сердца.
Все трепетало передъ нимъ,
Дрожали въ ужасѣ народы,

¹⁾ Прочитано 11 окт. 1912 г. на юбилейномъ вечерѣ Отечественной войны въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ воспитанницей VII кл. А. Поповой.

Весь югъ къ стопамъ его склонилъ
Свои державныя короны
Наполеонъ ужъ видѣлъ лавры:
Москву съ поникшей головой
И Александра предъ собою
Покорнымъ царственнымъ рабомъ.

Но нѣтъ, на сѣверѣ далекомъ
Не сдался бѣлый царь,
И передъ гениемъ великимъ
Славянскій вождь не трепеталъ.

Спокойно Русь ждала враговъ,
Какъ витязь, въ битвахъ закаленный;
Не страшень былъ ей смертный бой,
Не новъ и кличъ побѣдъ безсмертный.

Барклай уловкой хитрой
Врага далеко заманилъ;
Въ Бородинѣ Кутузовъ мудрый
Вождя великаго сломилъ.

Простой народъ сжигалъ селенья,
Родныя нивы и поля,
И не спаслася отъ пожара
Золотоглавая Москва

Когда жъ раздался кличъ могучій,
Призывъ родимаго царя,
И всюду былъ онъ слышенъ
До хатъ послѣднихъ мужика,
Тогда поднялся духъ народный,
Онъ всѣхъ единствомъ окрылилъ,
Господь народъ свой терпѣливый
На новый трудъ благословилъ.

Мужикъ рогатиной, дубиной
Французовъ часто прогонялъ...
Наполеонъ съ душой разбитой
Напрасно мира ожидалъ.

Нахмурился сердитый сѣверъ, —
Онъ не взлюбилъ чужихъ гостей, —
Вотъ затрещалъ морозъ свирѣпый
По пеплу вѣтеръ заревѣлъ.

И гибли гордая дружины
Среди бѣлѣющихъ равнинъ,
А снѣгъ блестящими холмами
Ихъ трупы черные покрылъ.

Мятели тризну имъ справляли,
Имъ воронъ вѣсти приносилъ,
И мѣсяцъ блѣдными лучами
Ихъ кости свѣтомъ серебрилъ.

Тогда на высотѣ небесной
Померкла яркая звѣзда,
Среди полей страны холодной
Она внезапно замерла.

По волѣ тайной Провидѣнья
Съ высотъ небесъ орелъ упалъ
И крылья гордая, стелая,
Въ тоскѣ предсмертной разметалъ.

И вотъ, Наполеонъ на Эльбѣ,
Гдѣ волны бурныя шумятъ ..
О почестяхъ и бывшей славѣ
Онъ герою говорятъ...

Попомнимъ же тотъ годъ великій,
Когда, отечество любя,
Единствомъ славнымъ отогнали
Мы грознаго тогда врага!

И снова пусть Россія крѣпнетъ
Примѣромъ прадедовъ, отцовъ,
И свѣтъ любви да не исчезнетъ
Съ чела теперешнихъ сыновъ.

Ек. Смирнова.

„Отечественная война“¹⁾).

(По поводу столѣтняго юбилея).

II.

Бородино—переломъ Отечественной войны. До Бородина Наполеонъ сохранялъ свой ореолъ великаго военнаго генія и непререкаемаго военнаго авторитета. Послѣ Бородина начинается его быстрое развѣнчиваніе.

Въ арміи у насъ, правда, господствовало до самаго послѣдняго момента убѣжденіе, что Москву не отдадимъ, по крайней мѣрѣ не отдадимъ безъ боя. И когда 1 сентября наши войска подошли къ Москвѣ, то Кутузовъ приказалъ выбрать позицію для новаго генеральнаго сраженія. Но сраженіе все-таки не состоялось. Былъ собранъ въ деревнѣ Филяхъ, въ избѣ крестьянина Андрея Савостьянова, военный совѣтъ, увѣковѣченный въ извѣстной картинѣ художника А. Д. Кившенко и въ романѣ Толстого... На совѣтѣ присутствовали, кромѣ Кутузова, генералы Барклай де-Толли, Дохтуровъ, Уваровъ, Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ и Беннигсенъ. Какъ извѣстно, совѣщавшіеся не пришли ни къ какому опредѣленному рѣшенію, и Кутузовъ былъ принужденъ принять на себя тяжесть единоличнаго рѣшенія.

Послѣ долгихъ преній онъ рѣшительно заявилъ, что, „доколѣ будетъ существовать армія и находиться въ состояніи противиться непріятелю, до тѣхъ поръ останется надежда счастливо довершить войну. Но по уничтоженіи арміи Россія потеряна“, — и приказалъ отступать...

Что дѣлалось въ это время въ Москвѣ и вокругъ нея? Несмотря на успокоительныя афиши генераль-губернатора Московскаго Ростопчина, москвичи чувствовали опасность

¹⁾ Окончаніе. См. № 43

положенія и еще задолго до совѣта въ Филяхъ стали покидать злополучный городъ. А въ началѣ сентября, послѣ того какъ стало ясно, что Москва предоставлена врагу, бѣгство изъ Москвы приняло характеръ панической. Вотъ что говоритъ по этому поводу очевидецъ:

„Только-что мы выѣхали на равнину (Московская дорога близъ Рязани), какъ представилось намъ зрѣлище, единственное и жалостное: какъ только могъ досягать взоръ, вся Московская дорога покрыта была въ нѣсколько рядовъ разными экипажами и пѣшими, бѣгущими изъ несчастной столицы, жителями. Одни другихъ выпереживали и спѣшили, гонимые страхомъ, въ каретахъ, коляскахъ, дрожкахъ и телѣгахъ, наскоро, кто въ чемъ могъ и успѣлъ, съ глазами заплаканными и пыльными лицами, окладенные дѣтьми различныхъ возрастовъ. А и того жалостнѣе: хорошо одѣтые мужчины и женщины брели пѣшіе, таща съ собою дѣтей своихъ и бѣдный запасъ пропитанія. Мать вела взрослыхъ, а отецъ въ телѣжкѣ или за плечами тащилъ тѣхъ, которые еще не могли ходить. Всякъ вышелъ наскоро, не приговорясь, бывъ постигнувъ печаянно, и брели безъ цѣли и большею частью безъ денегъ и безъ хлѣба. Смотря на эту картину бѣдствія, невозможно было удержаться отъ слезъ. Гулъ отъ множества ѣдущихъ и идущихъ былъ слышенъ весьма издалека и, сливаясь въ воздухѣ, казался какимъ-то стономъ, потрясающимъ душу...“¹³⁾.

То же самое происходило и по другимъ трактамъ—Владимірскому, Нижегородскому, Ярославскому.

Вѣсть о рѣшеніи главнокомандующаго оставить Москву быстро распространилась между войсками. „Чувство великой скорби овладѣло всѣми сердцами. Стыдно было смотрѣть

¹³⁾ «Двѣнадцатый годъ въ воспоминавіяхъ и перепискѣ современниковъ». В. В. Калламанъ. Москва. 1912 г.

другъ на друга. Казалось, что Россія отреклась отъ самой себя, что она сознавалась въ своемъ безсиліи и складывала оружіе предъ гордымъ побѣдителемъ“.

Генералы были грустны. Но больше всѣхъ былъ грустенъ и печаленъ самъ Кутузовъ. Онъ провелъ тревожную ночь. Долго ходя взадъ и впередъ по избѣ, онъ какъ бы не слышалъ, какъ начиналъ заговаривать съ нимъ полковникъ Шнейдеръ. Но когда онъ спросилъ: „Гдѣ же мы остановимся?“ — Кутузовъ, ударивъ по столу, отвѣчалъ: „Это мое дѣло; но уже доведу я французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо“. Ночью старый главнокомандующій стоналъ и нѣсколько разъ плакалъ.

Въ три часа утра, 2 сентября, среди глубокой ночной темноты, вступилъ черезъ Дорогомиловскую заставу въ городъ авангардъ, состоявшій изъ конницы. За авангардомъ слѣдовали дружины ополченія; за ними артиллерія и армейскіе корпуса.

Отступленіемъ арміи черезъ Москву руководилъ Барклай де-Толли. Въ теченіе 18 часовъ не сходилъ онъ съ лошади. Его адъютанты, разставленные имъ по разнымъ мѣстамъ города, наблюдали за движеніемъ войскъ и доносили ему тотчасъ о всякомъ возникающемъ безпорядкѣ или затрудненіи

„Отступленіе, — говоритъ очевидецъ, — происходило вообще въ порядкѣ и унылой тишинѣ. Приближаясь къ осиротѣлой столицѣ — матери городовъ русскихъ, воины съ сокрушенными сердцами взирали на великолѣпныя зданія, оставаемые врагу. Несчастные жители своимъ отчаяніемъ увеличивали общую горестъ. Священники передъ церквами, въ полномъ облаченіи, благословляли святымъ крестомъ и кропили святою водою проходившихъ мимо солдатъ, освѣжая тѣмъ упавшій духъ. На каждомъ шагу представлялись го-

рествья явленія: женщины, старики, дѣти плакали и выли, не зная, куда дѣваться¹⁴⁾.

Въ то время, когда наша армія, а вслѣдъ за нею и москвичи, выходили постепенно изъ столицы, на большой дорогѣ, за Коломенскою заставою сидѣлъ на своей походной скамейкѣ старый фельдмаршалъ. Онъ, противъ обыкновенія, былъ неспокоенъ. Какая-то внутренняя тревога, напряженное ожиданіе важныхъ вѣстей не давали ему покоя. Кутузовъ зналъ очень хорошо, что непріятель идетъ по нѣтамъ нашей арміи; онъ опасался, чтобы французы не смяли нашего арьергарда и не ворвались бы на плечахъ его въ городъ. Чтобы предупредить это, онъ поспѣшилъ послать Ермолова къ генералу Милорадовичу съ приказаніемъ, „чтобы онъ, сколько возможно, удерживалъ непріятели или бы условился съ нимъ, дабы имѣть время вывезти изъ города тяжести“.

И Милорадовичъ блистательно исполнилъ возложенное на него трудное порученіе. Черезъ своего парламентаря онъ рѣшительно объявилъ начальнику непріятельскаго авангарда, королю неаполитанскому, Мюрату, что „если французы хотятъ занять Москву въ цѣлости, то пусть дадутъ ему время пройти спокойно черезъ городъ; въ противномъ случаѣ — говорилъ Милорадовичъ, — я вмѣсто Москвы оставлю однѣ развалины“. Мюратъ согласился на это требованіе Милорадовича и пріостановилъ военныя дѣйствія до слѣдующаго утра.

Къ тремъ часамъ пополудни Милорадовичъ добрался до Кремля. Тутъ поразило его странное зрѣлище. Изъ открытыхъ воротъ старой крѣпости выступалъ московскій гарнизонный полкъ подъ начальствомъ генераль-лейтенанта

¹⁴⁾ «Императоръ Александръ I и идея священнаго союза» проф. В. К. Надлера т. I Рига. 1886 г.

Брозина. Полкъ шелъ съ музыкою, пѣсельники впереди. „Это какой-то измѣнникъ радуется нашему несчастію“, громко говорили солдаты и жители. Увидавъ это явленіе, цылкѣй Милорадовичъ подскакалъ къ полку и закричалъ: „Какой негодяй вамъ приказалъ итти съ музыкою“? Г. Брозинъ хладнокровно отвѣчалъ: „Въ Регламентѣ Петра Великаго сказано: если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ дозволеніе выступить свободно, то выходятъ съ музыкой“. Пораженный такимъ отвѣтомъ, Милорадовичъ отрывисто сказалъ: „Развѣ въ Регламентѣ Петра Великаго есть что-нибудь о сдачѣ Москвы? Прикажете замолчать вашей музыкѣ“.

Къ пяти часамъ Милорадовичъ достигъ заставы и повелъ на Коломенскую дорогу свои войска.

По мѣрѣ того, какъ наши войска 2 сентября отступали за Москву на Рязанскую дорогу, войска непріятельскія приближались къ ней. Французы, увидавъ широко раскинувшуюся предъ ними Москву, блиставшую своими золотыми маковками подъ яркими лучами солнца, пришли въ восторгъ. „Тысячами различныхъ цвѣтовъ блистала этотъ огромный городъ,—говоритъ одинъ участникъ этого похода.— При зрѣлищѣ войсками овладѣла радость; они остановились и закричали: „Москва! Москва“!

Наполеонъ съ своею свитою вѣзжалъ на Поклонную гору. И онъ при видѣ необъятной, величественной Москвы обрадовался. „Вотъ онъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ—воскликнулъ Наполеонъ, прибавляя вслѣдъ затѣмъ:— Да и пора уже“.

Наполеонъ долго смотрѣлъ въ зрительную трубу какъ на Москву, такъ и на ея окрестности, по которымъ двигались его войска.

Выстрѣломъ изъ пушки онъ приказалъ дать сигналъ, чтобы авангардъ и главныя войска шли къ Москвѣ. Вслѣдъ

затѣмъ самъ онъ и всѣ окружавшіе его сѣли на лошадей и понесли къ Москвѣ. Въ то же мгновеніе авангардъ и часть стоявшей позади его главной арміи съ невѣроятнымъ стремленіемъ, конница и артиллерія поскакали во весь опоръ. Пѣхота бѣжала бѣгомъ. Топотъ лошадей и скрипъ колесъ, трескъ оружія смѣшивались съ шумомъ бѣгущихъ солдатъ, сливаясь въ дикій и ужасный гулъ. Свѣтъ померкъ отъ поднявшейся густымъ столбомъ пыли, и вся земля какъ бы заколебалась и застонала отъ такого движенія. Черезъ какія-нибудь 12 минутъ всѣ очутились у Дорогомиловской заставы. При восторженныхъ восклицаніяхъ своего войска „да здравствуетъ императоръ“! Наполеонъ сошелъ съ коня и началъ ходить взадъ и впередъ по лѣвой сторонѣ Камеръ-Коллежскаго вала. Войска его, между тѣмъ, съ музыкою вступали въ городъ.

Ходя по валу, Наполеонъ ожидалъ депутаціи, которая должна была ему поднести ключи города. Но время проходило, а депутація не являлась. Наполеонъ началъ волноваться; досада и гнѣвъ стали искажать его лицо. Наконецъ явился офицеръ, прискакавшій изъ авангарда съ извѣстіемъ, что Москва пуста, что она оставлена жителями. Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить этой чудовищной вѣсти. „Москва пуста. Москва оставлена жителями — воскликнулъ онъ. — Какое невѣроятное событіе“!

Извѣстіе, что Москва пуста, что она оставлена жителями, быстро распространилось въ войскахъ и привело ихъ въ уныніе. Такая печальная вѣсть поразила и самого Наполеона, какъ громовымъ ударомъ. Онъ приведенъ былъ ею въ чрезвычайное изумленіе. Онъ оглядывается въ разныя стороны, останавливается, трясется, цѣпенѣетъ, щиплетъ себя за носъ, снимаетъ съ себя перчатку и опять надѣваетъ, выдергиваетъ изъ кармана платокъ, жметъ его въ ру-

кахъ и какъ бы ошибкою кладеть его въ другой карманъ, потомъ снова вынимаетъ и снова кладеть.

Наполеонъ въѣхалъ въ Кремль. „Вотъ эти гордыя стѣны, — сказалъ онъ, увидавъ его. — Наконецъ, я въ Москвѣ, въ древнемъ дворцѣ царей, въ Кремлѣ“.

Лишь только наши войска вышли изъ Москвы и вступилъ въ нее французскій авангардъ, какъ въ городѣ начались пожары. Отошедши 15 верстъ отъ Москвы, наши войска, вечеромъ 2 сентября, увидали въ городѣ пожаръ. „Это было, — говоритъ очевидецъ, — только начало. Въ продолженіе ночи пожаръ усилился, и поутру 3 сентября уже большая часть горизонта надъ городомъ означалась пламенемъ. Огненные волны восходили до небесъ, а черныи густой дымъ, клубясь по небосклону, разстился до насъ. Тогда мы всѣ невольно содрогались отъ удивленія и ужаса. Сувѣрные, не постигая, что совершается передъ ихъ глазами, думали уже, съ паденіемъ Москвы, видѣть паденіе Россіи. Мѣсто удивленія заступило негодованіе. „Вотъ тебѣ и златоверхая Москва. Красуйся, матушка, столица русская“, говорили солдаты.

Утромъ 3 сентября, дѣйствительно, уже пылалъ громадный Гостинный дворъ, который москвичи называли городомъ. Замоскворѣчье, не занятое непріателемъ, горѣло въ различныхъ пунктахъ. Казаки, отставшіе съ намѣреніемъ отъ нашей арміи, явились у Москворѣцкаго моста и подожгли его на виду французовъ. Вслѣдъ затѣмъ запылали на берегу Москвы-рѣки казенные хлѣбныя магазины и взлѣтѣлъ на воздухъ съ оглушающимъ трескомъ находившійся тамъ складъ артиллерійскихъ снарядовъ. Огонь показался и въ другихъ частяхъ города.

„Жители съ какимъ-то безучастіемъ, которое можно объяснить только вѣрою въ предопрѣдленіе, смотрѣли на свои горѣвшіе дома. Нѣкоторые выносили образа и стано-

вились съ ними передъ воротами; другіе на вопросъ, почему они не предпринимаютъ мѣръ противъ пожара, отвѣчали, что боятся, чтобы за это не убили ихъ французы, или что, видно, такъ Богу угодно“. Да и тушить пожаръ было и не чѣмъ и ни къ чему. Всѣ пожарныя трубы были вывезены изъ города, а спасать свое достояніе въ пользу враговъ, угрожавшихъ постоянно не только имуществу, но и самой жизни москвичей, не стоитъ труда. И французы, съ своей стороны, видя безпечность жителей, не давали себѣ труда противоудѣйствовать пожарамъ, которые распространялись все болѣе и болѣе. Занимаясь тушеніемъ пожара около Кремля, они не обращали вниманіе на пожары въ другихъ частяхъ города и собирались даже провести спокойную ночь. Но это имъ не удалось. Въ ночь съ 3 на 4 сентября поднялся сильный вѣтеръ, вскорѣ перешедшій въ настоящую бурю. Порывы вѣтра разносили огонь по всѣмъ частямъ города. Къ утру Москва уподобилась уже бушующему огненному морю. „Море огня разлилось по всѣмъ частямъ города. Пламя, волнуемое вѣтромъ, совершенно походило на морскія волны, воздвигаемая бурей. Казалось, къ дѣятельности поджигателей присоединилось и божественное мщеніе,—до такой степени этотъ пожаръ казался сверхъестественнымъ“.

Въ эту *страшную* ночь рѣдко кто спалъ въ Москвѣ. Но императоръ Наполеонъ провелъ ее спокойно въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ роскошныхъ палатахъ русскихъ царей. Рано утромъ явился къ нему докторъ. Поговоривъ съ нимъ о простудѣ, не оставившей его со дня Бородинской битвы, императоръ предложилъ ему свой обычный вопросъ: „Что новаго?“ Докторъ отвѣчалъ, что вокругъ Кремля повсюду распространились пожары. „Это неосторожность солдатъ,— прервалъ его Наполеонъ съ равнодушною улыбкою,—они, вѣроятно, развели огни для приготовленія пищи слишкомъ близко къ деревяннымъ домамъ“. Но вдругъ взглядъ его

остановился, улыбка исчезла съ устъ, вытяженіе лица „исполненное благорасположенія, сдѣлалось ужаснымъ“. Наполеонъ вскочилъ съ постели, быстро одѣлся, толкнулъ такъ сильно ногою мамелюка, подававшего ему сапогъ лѣвой ноги на правую, что тотъ упалъ навзничь, и, не говоря ни слова, вышелъ въ сосѣднюю комнату. Мысль, что русскіе, быть-можетъ, сами жгутъ Москву, о чемъ ему уже говорили, внезапно пришла ему въ голову.

Наполеонъ подошелъ къ окну. Страшная картина представилась его взорамъ. Волны дыма и пламени со всѣхъ сторонъ подступали къ Кремлю. Все Замоскворѣчье объято было пламенемъ. Наполеонъ обратился въ другую сторону, но и тамъ ожидала его та же ужасная картина. Страшное волненіе овладѣло императоромъ при видѣ этого зрѣлища. „Первымъ его движеніемъ, — говоритъ графъ Сегюръ, — былъ гнѣвъ; онъ хотѣлъ властвовать даже надъ стихіями, но гнѣвъ не замедлилъ смѣниться чувствами иного рода. Онъ вдругъ созналъ себя побѣжденнымъ, подавленнымъ; враги его превзошли его въ страшной рѣшимости. Это завоеваніе, для котораго онъ принесъ столько жертвъ, къ обладанію которымъ стремился всѣми силами души своей, исчезало на его глазахъ въ облакахъ дыма и пламени. Имъ овладѣло страшное безпокойство; казалось, что огонь, окружавшій Кремль, пожиралъ уже его самого. Ежеминутно онъ вставалъ, ходилъ и снова садился. Быстрыми шагами пробѣгалъ онъ дворцовыя комнаты; его грозныя, порывистыя движенія обличали кипѣвшую въ немъ душевную тревогу. По временамъ онъ подходилъ къ письменному столу и бралъ въ руки бумаги, но тотчасъ бросалъ ихъ и подходилъ вновь къ окнамъ, чтобы посмотрѣть на непрекращавшееся распространеніе пожара. Изъ его стѣсненной груди вырываются короткія и рѣзкія восклицанія: „Какое ужасное зрѣлище! Это сами они

поджигаютъ. Сколько прекрасныхъ зданій! Какая необычайная рѣшимость! Что за люди: это скиѳы!¹⁵⁾

Наполеонъ неправильно, конечно, оцѣнивалъ страшную катастрофу: совершалось одно изъ величайшихъ событій—патріотическое жертвоприношеніе цѣлой столицы, центра народной жизни.

Великій геній западно-европейскаго міра — лордъ Байронъ—постигъ всемірно-историческое значеніе московской жертвы и нашель соотвѣтствующее слово для изображенія. Онъ такъ обращается къ Наполеону:

„Вотъ башни полудикія Москвы
Передъ тобой въ вѣнцахъ изъ злата
Горятъ на солнцѣ... Но увы.
То—солнце твоего заката.
Москва—побѣдъ твоихъ предѣлъ
Чтобъ увидать верхи ея златые,
Суровый Карлъ лиль слезы ледяныя.
И тщетно.—Ты ее узрѣлъ.
И что жъ увидѣлъ ты? Ея дворцы и храмы—
Все рушилось, все пожирало пламя.
Кто жъ раскалилъ пожаръ жестокій въ ней?
Свой порохъ отдали солдаты,
Солому съ кровли несъ своей
Мужикъ; товаръ свой далъ купецъ богатый,
Свои палаты каменные князь,
И вотъ Москва отвсюду занялась.
Вулканъ великій, несравненный,
Единственный во всей вселенной.
Передъ огнемъ ужаснымъ тѣмъ
И Этна съ Геклой кажутся ничѣмъ;
Везувіа предъ нимъ блѣднѣтъ слава:

¹⁵⁾ «Походъ въ Москву въ 1812 г.» графа де-Сюгера. Москва 1911 г.

Онъ только жалкая забава
Туриста празднаго. — Лишь тотъ
Грядущій огнь съ тобой сравнится,
Въ которомъ міръ испепелится,
Который царства всѣ сожжетъ ¹⁶⁾.

Солнце нашей поэзіи, А. С. Пушкинъ, — въ чеканныхъ строфахъ „Евгенія Онѣгина“ отмѣтилъ величайшую психологическую ошибку Наполеона, не угадавшаго, съ какимъ противникомъ онъ имѣетъ дѣло:

Отсель, въ думу погружень,
Глядѣль на грозный пламень онъ.
Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуяль твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ!
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ, какъ дара,
Но поздно русскихъ разгадаля...

Бѣдствіе для Наполеона и его арміи было громадное. Несмотря на осень, завоеватели ютились сплошь и рядомъ на улицахъ. Не было припасовъ. Точно на смѣхъ, въ разоренной и сожженной столицѣ было много предметовъ роскоши, но не было необходимаго. Были цѣнные мѣха, ювелирные драгоценности, золото, серебро, но не было хлѣба для людей и фуража для скота. Не было также и матеріала для ремонта одежды: все сгорѣло или было вывезено заблаговременно изъ Москвы....

И вотъ тутъ-то „великая армія“ и стала мало-по-малу пріобрѣтать тотъ маскарадный и убогій видъ, который потомъ послужилъ темою для всевозможныхъ шутокъ и кар-

¹⁶⁾ «Двѣнадцатый годъ» Д. И. Троицкаго.

рикатуръ на нее... Тогда-то впервые пошли въ ходъ вмѣсто военныхъ мундировъ священническія ризы, дамскіе капоты и пр.

Императоръ Александръ, находившійся въ Петербургѣ, получилъ извѣстіе о занятіи французами Москвы отъ посланнаго Кутузовымъ полковника Мишо, котораго императоръ принялъ въ своемъ кабинетѣ. Уже одна глубоко-печальная наружность посланца не предвѣщала ничего добраго. Государь обратился къ нему съ такими словами:

„— Вы привезли мнѣ печальныя новости, полковникъ?

— Да, очень печальныя, государь, — отвѣчалъ Мишо, — вѣсть объ оставленіи Москвы.

— Скажите, — прервалъ его съ живостью государь, — неужели древняя моя столица отдана безъ боя?

— Государь, — отвѣчалъ полковникъ, — окрестности Москвы не представляли удобной позиціи для того, чтобы отважиться на бой съ силами незначительными.

— И непріятель вступилъ уже въ Москву?

— Да, государь, и Москва превращена уже въ пепель, я оставилъ ее объятою пламенемъ“.

При этихъ словахъ душевное волненіе императора Александра достигло высшей степени: слезы полились изъ его глазъ. Но онъ скоро оправился. Прошла еще минута. Въ глазахъ государя блистала огонь геройской рѣшимости.

— „Но скажите, Мишо, въ какомъ состояніи духа оставили вы армію, оставившую безъ выстрѣла мою древнюю столицу? Не повліяло ли это на мораль солдата? Не замѣтили ли вы упадка духа?

— Государь! Позвольте ли вы мнѣ отвѣчать вамъ свободно, какъ подсбауетъ солдату.

— Полковникъ, я требую всегда искренности, я хочу знать все.

— Государь, я оставилъ всю армію, начиная отъ ко-

манующихъ и оканчивая послѣднимъ солдатою, безъ исключенія, въ ужасномъ страхѣ.

— Что вы говорите?—возразилъ императоръ взволнованнымъ голосомъ.—Что могло породить этотъ страхъ? Мои, русскіе, могли ли они пасть духомъ послѣ нѣсколькихъ несчастій?!

— Нѣтъ, они только боятся, чтобы вы, по добротѣ вашего сердца, не позволили убѣдить себя заключить миръ; они горятъ желаніемъ сразиться и доказать своею храбростью, насколько они вамъ преданы!

— Вы успокоиваете меня, полковникъ,—сказалъ государь, потрепавъ Мишо по плечу.—Возвращайтесь въ армию, скажите моимъ храбрымъ солдатамъ, моимъ вѣрнымъ подданнымъ, повсюду, гдѣ будете проѣзжать, что когда не останется у меня ни одного солдата, то я стану во главѣ моего вѣрнаго дворянства, моихъ добрыхъ крестьянъ и буду бороться, пока не истощатся послѣднія средства моей имперіи. Но если въ рѣшеніяхъ Божественнаго Провидѣнія предначертано, что династія моя не должна царствовать болѣе на тронѣ моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ средства, находящіяся въ моемъ распоряженіи, я отрощу себѣ бороду до сихъ поръ (показывая рукою на грудь), и пойду питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, но никогда не подпишу стыдъ моего отечества и моей дорогой націи, пожертвованіями которой я такъ дорожу.

Наполеонъ или я, я или онъ,—но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать.

— Государь,—сказалъ Мишо,—ваше величество подписываете въ эту минуту славу вашего народа и спасеніе Европы¹⁷⁾.

¹⁷⁾ Н. Дучинскій «Двѣнадцатый годъ въ произведеніяхъ русскихъ писателей и поэтовъ». Москва 1912 г.

Безцѣльное сидѣнье въ пустынной и сгорѣвшей Москвѣ послужило только къ тому, что армія Наполеона стала разлагаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ и тогда же началось разложение самой его идеи покорить Россію. Еще находясь въ Москвѣ, Наполеонъ сталъ дѣлать настойчивыя попытки заключить миръ. Мало того, онъ отдалъ приказъ генералу Лористону, посланному имъ къ Кутузову въ Тарутино, „заключить миръ во что бы то ни стало“... Это было уже паденіе...

Кутузовъ принялъ Лористона очень торжественно и даже попросилъ для этого случая у Коновницына новые эполеты. Но на всѣ намеки французскаго генерала о крайней желательности мира онъ отвѣчалъ, что о мирѣ и рѣчи быть не можетъ...

Русскіе къ этой порѣ уже побѣдили французовъ духомъ. Оставалось побѣдить тѣломъ...

Между тѣмъ французы во время своего московскаго хозяйничанья только и дѣлали, что растравливали русскихъ и ввергали ихъ въ такой гнѣвъ, который не знаетъ ни снисхожденія, ни прощенія...

Разстрѣлы ни въ чемъ неповинныхъ крестьянъ („поджигателей“), грабежи, насилія и издѣвательства надъ мирными жителями, а главное — безмысленное оскверненіе церквей, превращеніе ихъ въ хлѣвы, въ казармы страшно раздражали русскихъ. Развѣ поступають такъ мудрые и тактичные завоеватели, рассчитывающіе на скорое заключеніе мира? Поистинѣ, „если Богъ хочетъ кого-нибудь наказать, то отниметъ у него разумъ“..

Такою же безтактностью было и повелѣніе взорвать Кремль, когда французы уже выступали изъ Москвы послѣ безплоднаго и безмысленнаго сидѣнья на ея развалинахъ въ теченіе пяти недѣль... Зачѣмъ понадобилось Наполеону это варварство? Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить этотъ поступокъ, какъ только местию москвичамъ за пожаръ. На-

полеонъ какъ бы хотѣлъ сказать: „Вы совершили варварство противъ меня, вы подожгли Москву... Я плачу вамъ такимъ же варварствомъ: я не оставлю камня на камнѣ отъ вашего священнаго Кремля“... Но этотъ актъ мести повлекъ за собой только сильное раздраженіе русскихъ, и яма, которую Наполеонъ рылъ самъ для себя, углубилась послѣ того еще больше...

Къ счастью, порохъ въ минахъ отсырѣлъ, и колоссальный взрывъ, приведенный въ исполненіе генераломъ Мортье, удался только отчасти. Но все-таки, по словамъ очевидцевъ, картина этого взрыва была ужасна...

Въ ночь съ 8 на 9 октября Мортье выступилъ со своимъ отрядомъ изъ Москвы, и немедленно начались взрывы. Первый ударъ былъ самый сильный. Земля затряслась, уцѣлѣвшіе отъ пожара дома дрогнули. Стѣны домовъ, даже вдали отъ мѣста взрыва, трескались, потолки обрушивались, людей подбрасывало на воздухъ. „Раздѣтые, израненные осколками стеколъ, камнями, желѣзомъ, несчастные выбѣгали въ ужасѣ на улицы. Непроницаемый мракъ окутывалъ Москву, холодный осенній дождь лилъ потоками. Отовсюду слышались дикіе крики, визгъ, стоны людей, раздавленныхъ падающими зданіями. Одинъ взрывъ слѣдовалъ за другимъ, земля не переставала колебаться. Все напоминало, казалось, послѣдній день міра“...

Въ Кремлѣ взлетѣли на воздухъ три башни со стороны набережной. До половины свалилась угловая башня, осыпался верхъ Никольскихъ воротъ до иконы св. Николая Чудотворца. Сгорѣлъ дворецъ, выгорѣла Грановитая палата, пострадали соборы. Мины были заложены подъ Василія Блаженнаго и Ивана Великаго, и только случайность (подмокли отъ проливня фитили) спасла отъ страшнаго разрушенія эти замѣчательные и безцѣнные памятники нашей старины...

Дальнѣйшій ходъ войны представляетъ одну силовую

трагедію позорнаго бѣгства французовъ изъ Россіи, ихъ невѣроятныхъ страданій и тѣхъ адскихъ лишеній, въ которыя вовлекъ ихъ великій завоеватель. Кратко печальный исходъ великой арміи можно передать такъ. Изъ Москвы Наполеонъ направился къ Калугѣ, но отъ Малоярославца, гдѣ у французовъ произошелъ съ русскими 18-часовой кровопролитный бой, принужденъ былъ повернуть на смоленскую дорогу. По этой дорогѣ, уже разоренной войной, и отступала или, вѣрнѣе, бѣжала „великая“ армія. Она растянулась на 50 верстъ. Русскіе преслѣдовали ее и съ боковъ и съ тыла. Кутузовъ съ своими войсками и казаками постоянно беспокоилъ ее: разбивалъ отряды, отрѣзывалъ обозы, отбивалъ орудія. Во время своего бѣгства она потерпѣла нѣсколько значительныхъ пораженій. Генералъ Милорадовичъ нанесъ ей сильное пораженіе при Вязьмѣ. Платовъ, атаманъ донскихъ казаковъ, разбилъ французовъ близъ Духовщины. Много погибло ихъ подъ Краснымъ и особенно въ окрестностяхъ Смоленска. Наступили холода. Въ первыхъ числахъ ноября стужа доходила до 20° по Р. и болѣе. И враги наши, обитатели полуденной Европы, голодные, кое во что одѣтые, не привыкшіе къ русскимъ морозамъ, гибли отъ нихъ въ большомъ количествѣ. Привалы и ночлеги непріятелей обозначались ихъ трупами; въ одну ночь замерзало по 300 человекъ и болѣе.

Наполеонъ счѣшилъ переправиться за Березину, но ему на переемъ пришли еще двѣ русскія арміи: одна, подъ начальствомъ адмирала Чичагова, возвращавшаяся изъ турецкой войны, а съ сѣвера пришелъ графъ Витгенштейнъ, защищавшій до сихъ поръ дорогу къ Петербургу и поразившій французовъ при Полоцкѣ. У Березины предполагалось захватить Наполеона въ плѣнъ и нанести рѣшительный ударъ его арміи. И точно, — французамъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ русскими войсками, грозила здѣсь неми-

нуемая гибель. Но хитрый Наполеонъ провель, обманулъ Чичагова: ложнымъ движеніемъ онъ отвлекъ его отъ бродовъ, навелъ мосты и переправилъ свою армію. Но чего это ему стоило? Армія Наполеона потеряла 20 000 плѣнными, множество убитыми и ранеными; Березина была въ полномъ смыслѣ слова запружена трупами, орудіями, повозками и т. п. Вся артиллерія и добыча, награбленная врагами въ Москвѣ, достались русскимъ. Съ этой поры непріятелямъ уже не было покоя ни днемъ, ни ночью, ни на привалахъ, ни на ночлегахъ. Днемъ они гибли отъ русскихъ солдатъ, а ночью—отъ жестокихъ морозовъ, доходившихъ до 30⁰. Они гибли тысячами и трупами своими устилали дорогу отъ Березины до Вильны. 23 ноября Наполеонъ, недалеко отъ Вильны, бросилъ жалкіе остатки своей „великой“ арміи и ускакалъ въ Парижъ, чтобы набирать новое войско. Изъ всего 600.000 войска, съ которымъ великій завоеватель вторгнулся въ предѣлы Россіи, возвратилось назадъ не болѣе 10.000 человекъ, способныхъ носить оружіе. Въ половинѣ декабря уже не было ни одного вооруженнаго врага въ нашемъ отечествѣ.

25 декабря 1812 года вся Россія торжественно праздновала свое избавленіе „отъ нашествія галловъ и съ ними двадцати языкъ“.

III.

„Отечественная война 1812 года въ жизни Русскаго государства имѣетъ очень большое значеніе.

Огромныя вражескія силы вошли въ Русскую землю совершенно неожиданно для ея жителей. Если русское правительство задолго имѣло свѣдѣнія о намѣреніи Наполеона начать войну, то изъ простыхъ русскихъ людей никто не могъ предугадать нашествія врага даже и за одинъ годъ до того, какъ оно сбылось. Вовсе нельзя было чаять, что врагъ

всего въ два съ половиною мѣсяца дойдетъ отъ дальней границы до „первопрестольной“ Москвы и что наша армія дастъ ему дорогу до самой столицы. Пожаръ Москвы для многихъ русскихъ людей казался началомъ гибели всей Россіи. Тѣмъ неожиданнѣе для нихъ оказалось дальнѣйшее: отступление французовъ изъ Москвы, совершенное ихъ изгнаніе изъ Россіи къ концу 1812 года, освобожденіе Германіи отъ Наполеона къ концу 1813 года, завоеваніе русскими и нѣмецкими войсками Парижа весною 1814 года и низложеніе Наполеона. Всѣ эти великія событія были пережиты менѣе, чѣмъ въ два года*.

„Чтобы почувствовать всю силу и важность происшедшихъ потрясеній, надобно было видѣть и перестрадать ихъ. Надобно было испытать неизбѣжный страхъ нашествія до толѣ непобѣдимой полумилліонной „великой арміи“ Наполеона; надобно было видѣть бѣгство и разореніе жителей, разрушеніе сель, усадебъ и городовъ; надобно было знать лишенія и страданія отступавшей передъ врагомъ арміи, подвиги сильныхъ духомъ и малодушіе слабыхъ; надобно было, наконецъ, перестрадать потерю и гибель Москвы. Все это повергало души въ трепетъ и отчаяніе, заставляло ожидать близкаго и несчастнаго конца. Но съ той же быстротою, съ какою набѣжала бѣда, она разсѣялась. Съ отступленіемъ Наполеона изъ Москвы не уменьшились жертвы и страданія, но появилась надежда на избавленіе и спасеніе. Вскорѣ затѣмъ она смѣнилась чувствомъ побѣды и торжества надъ врагами, сознаниемъ непобѣдимой силы и мощи Россіи. Мудрено-ли, что 1812-й годъ сталъ торжественнымъ и свѣтлымъ воспоминаніемъ русскаго народа, что въ сіяньѣ славы и побѣдъ исчезли боль отъ перенесенныхъ страданій и печаль отъ утратъ и разоренія.“ „Священной памятью 12-го года“ гордилась вся Россія“.

„Прошли года. Героическія воспоминанія о борьбѣ за

родину хранили свою свѣжестъ. Но съ теченіемъ времени простыми разсказами о бояхъ и подвигахъ уже не ограничивались; искали лучше понять причины гигантской борьбы и полнѣе уразумѣть ея послѣдствія. Выяснилось, что столкновение Россіи съ Франціей не было внезапною случаемъ и что послѣдствія войнъ съ Наполеономъ отразились не только на политической жизни Европы, но и на внутренней жизни Россіи“.

„Военная гроза 1812 года разбила не Россію, а Французскую имперію. Но и Россія испытала на себѣ рядъ глубокихъ послѣдствій Отечественной войны. Не говоримъ уже о громадныхъ потеряхъ людьми, о разореніи цѣлыхъ областей, о разстройствѣ государственныхъ финансовъ: много лѣтъ русскіе помнили „француза“ и „нашествіе двадцяти языкъ“ и не сразу могли оправиться отъ своихъ матеріальныхъ утратъ и потрясеній. Вліяніе событій „двѣнадцатаго года“ и послѣдовавшихъ за нимъ „освободительныхъ“ войнъ отразилось и на духовной жизни русскаго общества, возбудивъ въ немъ сильное внутреннее броженіе“.

„Прежде всего это броженіе направилось на критику русскаго общественнаго строя и на сравненіе его съ общественными порядками Запада. Россія была тогда государствомъ крѣпостническимъ“.

„Вопросъ о ликвидаціи крѣпостнаго права возникъ въ русскомъ обществѣ послѣ Отечественной войны. Вообще умственная жизнь въ Россіи чрезвычайно оживилась подъ вліяніемъ событій, связанныхъ съ этой войною. Подъемъ патріотическихъ чувствъ въ годы борьбы съ Наполеономъ расшевелилъ русское общество, устремилъ его вниманіе на политическія дѣла, двинулъ въ ряды арміи всѣхъ тѣхъ, кто пылалъ желаніемъ бороться за родину и за освобожденіе человѣчества отъ ига „корсиканца“. Общественное возбужденіе получило новую пищу въ заграничныхъ походахъ по-

слѣ Отечественной войны. Очень много русскихъ людей прошло въ нашей арміи черезъ всю Европу отъ р. Нѣмана до Парижа, видѣло разныя страны, оставалось въ нихъ на военныхъ постахъ не только мѣсяцами, но цѣлыми годами, и такимъ образомъ основательно знакомилось съ европейскою культурой и нравами. Чрезвычайное оживленіе сношеній съ Западомъ повело къ тому, что на Руси послѣ 1812 года сталъ замѣтенъ сильный подъемъ образованности, развился вкусъ къ занятіямъ философій, наукою и литературою, появились философскіе кружки, подготовлялся расцвѣтъ самостоятельнаго творчества въ чудной поэзіи Пушкина и его литературныхъ друзей и послѣдователей. Словомъ, патриотическое оживленіе, вызванное Наполеономъ въ Россіи, перешло отъ военныхъ порывовъ къ мирной просвѣтительной работѣ на поприщѣ народнаго самосознанія“.

Вотъ почему, чествуя столѣтіе Отечественной войны и вспоминая кровавый день Бородина и пльнь разрушенной Москвы, мы празднуемъ не только военную годовщину, но и народно-культурный праздникъ. Въ бѣдствіи родины, въ крови и пожарахъ 1812 года, народная душа почерпнула не только жажду мести врагу, но и потребность духовнаго и гражданскаго совершенствованія“ ¹⁸⁾.

Преклонимся предъ славными подвигами героевъ 12 г. Воздадимъ дань глубокаго почтенія свѣтлой личности императора Александра I Благословеннаго, но въ тоже время будемъ великодушны и къ своимъ врагамъ французамъ. Правда, Наполеонъ Бонапартъ, этотъ демонъ разрушенія, причинилъ намъ много страданій. Но нѣтъ худа безъ добра. Въ рукахъ Промысла Божьяго онъ сдѣлался какъ бы орудіемъ для возвеличенія нашей дорогой родины. Не эту

¹⁸⁾ Васенко «Двѣнадцатый годъ». Введеніе.

ли мысль выразилъ нашъ безсмертный Пушкинъ, который, откликаясь на смерть Наполеона своими дивными стихами, сказалъ: „да будетъ омраченъ позоромъ тотъ малодушный, кто въ сей день безумнымъ возмутитъ укоромъ его развѣнчанную тѣнь. Хвала! Онъ русскому народу высокій жребій указалъ и міру вѣчную свободу изъ мрака ссылки завѣщалъ“!

Вл. Долгополовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

АПТЕКАРСКІЙ и ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ магазинъ

„ГИГИЕНА“ С. Левіяса

Большая Дворянская.

Полученъ большой выборъ волшебныхъ и карманныхъ фонарей, фотографическія принадлежности.

Парфюмерія высшаго качества.

Иногородніе заказы исполняются немедленно.

34—52

ЛЕЧЕБНИЦА БОЛѢЗНЕЙ ЗУБОВЪ и ПОЛОСТИ РТА

ЗУБНОГО ВРАЧА

М. М. ВЕРЕТЕННИКОВОЙ.

Пріемъ больныхъ ежедневно: $\left\{ \begin{array}{l} \text{отъ 10—2 и} \\ \text{отъ 4—7.} \end{array} \right.$

*Принимаютъ: Зубной врачъ М. М. Веретенникова.
Зубной врачъ А. Ф. Вержбловская.*

Плата по установленной таксѣ.

Б. Дворянская, д. Сомовыхъ, № 21.

18—30

Техническая Контора
Т-ва А. Г. ПРОСВИРКИНЪ и К^о
ВЪ ВОРОНЕЖЪ.

ПОЛНОЕ УСТРОЙСТВО:

Центральнаго парового, пароводяного и
водяного отопленій.

Водопроводы и канализація въ домахъ, школахъ, больницахъ, церквахъ
подъ управленіемъ спеціалиста Инженера **Я. В. КОЖЕЛЬСКАГО.**

Советы — сметы — проекты — **БЕЗПЛАТНО.**

23—25

Зубной врачъ
А. И. ДОЛГОПОЛОВА.

Леченіе, пломбированіе фарфоромъ, золотомъ, серебромъ и пр.

Удаленіе зубовъ безъ боли.

Искусственные зубы на золотъ, каучукъ, штифтахъ и проч.

Приемъ больныхъ ежедневно отъ 9 до 2 дня и отъ 3 до 6 вечера.

Воронежъ, Средне-Московская ул. домъ Смоленскаго Собора № 34.

Духовнымъ скидка.

**ЗУБНОЙ
ВРАЧЪ С. И. КЛЯЧКО.**

Леченіе, пломбированіе зубовъ. Искусственные зубы.

Для г.г духовныхъ и ихъ семействъ вполнѣ доступныя условія
Воронежъ, Большая Дворянская, д. Шуклина, № 36.

40—52

СОДЕРЖАНІЕ
НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Слово на 21 октября 1912 г.—23 недѣлю по Пятидесятницѣ и день восше-
ствія на престолъ Его Императорскаго Величества Государя Импера-
тора Николая Александровича.—Спасской церкви г. Воронежа свя-
щенника *Тихона Попова.*

1812 годъ.—(Стихотвореніе).—*Ек. Смирновой.*

«Отечественная война».—*Влад. Домополовъ.*

Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ.*

Печатать дозволяется. 28 октября 1912 г. Цензоръ Протоіерей А. Спасскій.